В далеком Тифлисе.

В 1878 году Андреева-Бурлака как артиста с общероссийской известностью пригласили на гастроли в труппу, игравшую в далеком Тифлисе. Здесь у публики, среди которой было немало грузин, особым успехом Василий Николаевич пользовался как рассказчик сцен из народного быта и замечательный импровизатор. Именно в амплуа рассказчика и произошло несколько курьезных случаев, молва о которых распространилась среди актерской братии.

Однажды после спектакля Василий Николаевич приехал поужинать в летнюю резиденцию тифлисского драматического кружка и сразу был окружен горячими поклонниками его таланта.

- К нам, Василий Николаевич, к нам, за наш стол! С нами поужинайте! – упрашивали его со всех сторон.

Бурлак, почти насильно был усажен за большой стол веселой компании, состоявшей, впрочем, из людей почтенных и солидных. Вряд ли и половину из них Бурлак знал в лицо, но они-то хорошо его знали и, конечно, небескорыстно затащили в свою компанию: «авось, дескать, поужинает, подопьет слегка, да и расскажет нам что-нибудь». Бурлак поужинал, подпил, но рассказывать, кажется, и не думал совсем.

Начались намеки, но и они как-то скользили мимо ушей артиста. Наконец кто-то довольно откровенно заявил Бурлаку, что все здесь присутствующие с нетерпением ждут, не расскажет ли он им какую-нибудь сценку. С не меньшей откровенностью Бурлак заявил им на это, что даром рассказывать сегодня он не хочет, а вот если они согласятся заплатить, ну хоть по три рубля за каждую рассказанную им сцену, то он готов рассказывать до утра.

Все охотно согласились, некоторые, может быть, принимая это просто за шутку, и Бурлак начал. Рассказал одну сцену, попросили другую, третью, четвертую, пятую уже он предложил сам, на шестой начали заминаться и посматривать косо на этого беззастенчивого артиста, от седьмого некоторые думали уже уклониться и уж с досадой благодарили рассказчика.

Бурлак кончил и стал собирать деньги. Некоторые платили очень весело, охотно, уплачивая сумму составлявшую может быть только десятую часть их ежедневного проигрыша в карты, некоторые ежились, но делали bonne mine, но Бурлак, словно не замечая ничего, спокойно собирал деньги.

Составилась очень солидная сумма. И тогда Василий Николаевич обратился к бывшему тут же дежурному старшине и попросил у него книгу, в которую записывали пожертвования в пользу голодающих армян, переселенцев Азиатской Турции. Пожертвования эти собирались тогда по всему Закавказью, но шли, кажется, не очень ходко, и вот Василий Николаевич, пересчитав собранные деньги, внес их в книгу от имени любителей рассказов и сцен русского народного быта, а затем, достав свой тощий бумажник, вынул оттуда едва ли не последние пятьдесят рублей и присоединил их к общей сумме «для круглого счета», как сказал он, не отметив даже своей фамилии.

Сцена эта произвела, конечно, на всех самое благоприятное впечатление, но господа тифлисские любители «рассказов из народного быта» с тех пор почему-то редко приставали к Андрееву-Бурлаку с просьбой рассказать что-нибудь.

Жорес Трофимов